

Архивные материалы

УДК 271.2-526.62

DOI: 10.28995/2658-4158-2022-2-80-89

Дело об обновлении трех икон в деревне Вялки Бронницкого уезда

Аннотация. Публикуемый документ – «Дело об обновлении трех икон в деревне Вялки Бронницкого уезда» – хранится в архивном фонде канцелярии московского генерал-губернатора (ЦГА Москвы). Это архивное дело содержит сведения о произошедшем летом 1842 г. обновлении трех икон, находившихся в подмосковной деревне Вялки, и о нескольких кликушах, испытывавших серьезное недомогание и почувствовавших заметное облегчение после поклонения этим иконам. «Дело об обновлении трех икон в деревне Вялки Бронницкого уезда» интересно тем, что в нем содержатся показания кликуш – благодаря этим архивным документам можно составить представление о том, как они сами воспринимали свое недомогание и последующее исцеление.

Ключевые слова: Синод, народное православие, чудо, чудотворная икона, кликуши

Для цитирования: Дело об обновлении трех икон в деревне Вялки Бронницкого уезда / Публ. и предисл. П.Г. Чистякова // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2022. № 2. С. 80–89. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-2-80-89

The case of the renewal of three icons in Vyalki village of Bronnitsky district

Abstract. “The case of the renewal of three icons in Vyalki village of Bronnitsky district” is the document from archival fund of Moscow Governor-General Chancellery (Central State Archive of Moscow). That file gives information about the renewal of three icons in Vyalki village in summer 1842, and includes a story of several ailing *klikushi* (hysterical person) who felt noticeable relief after worshipping those icons. The document is particularly interesting because it contains evidences of *klikushi*, and gives an idea how they perceived own malaise and following healing.

© Чистяков П.Г., предисловие, 2022

Keywords: Synod, popular Orthodoxy, miracle, miraculous icon, klikushi

For citation: Chistyakov, P.G. (foreword, the source publication) (2022), "The case of the renewal of three icons in Vyalki village of Bronnitsky district", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 80–89, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-2-80-89

В Синодальный период истории Русской Церкви духовные и светские власти резко отрицательно относились к различным проявлениям народного благочестия: многие религиозные практики, в более раннюю эпоху считавшиеся нормальными, теперь были объявлены суевериями и стали искореняться. В частности, было категорически запрещено объявлять иконы, находившиеся в частных домах, чудотворными: согласно указу Петра I от 21 февраля 1722 г., домашние иконы, «оглашенные» их владельцами чудотворными, следовало конфисковать и отправить на хранение в монастырскую ризницу или в ризницу кафедрального собора. Например, в Московской епархии иконы, происходившие из частных домов и объявленные чудотворными, хранились в ризнице московского Чудова монастыря. Смысл этого указа заключался в том, чтобы спрятать «сомнительную» с точки зрения духовных властей икону от ее почитателей. На протяжении XVIII и XIX вв. немало домашних икон, с точки зрения верующих ставших чудотворными, было отобрано у их владельцев и отослано в соборные и монастырские ризницы.

В то же время Петр I резко отрицательно относился к кликушам: по его мнению, эти женщины, подверженные истерическим припадкам, сопровождающимся резкими произвольными криками (собственно, и давшими название этому феномену), не были одержимы злыми духами, как традиционно считалось, а по тем или иным причинам симулировали свой недуг. Указом от 7 мая 1715 г. было велено задерживать кликуш, приводить их в приказы и пытать. Пытка рассматривалась как необходимый элемент следствия, позволявший выявить истинную причину необычного поведения кликуш¹.

Среди документов архивного фонда Управления Московского генерал-губернатора, хранящегося в Центральном государственном архиве Москвы², имеется немало дел, содержащих сведения о различных формах «народного православия»: о почитании источников, об иконах или крестах, найденных в лесу или в поле,

¹ О кликушах см.: *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России (1700–1740). М., 2000. С. 376–393.

² ЦГА Москвы. Ф. 16: Управление Московского генерал-губернатора.

о домашних иконах, возле которых произошло то или иное чудо. В одном из этих дел речь идет и о домашних иконах, объявленных чудотворными, и о кликушах. Это дело озаглавлено «Дело об обновлении трех икон в деревне Вялки Бронницкого уезда», оно содержит документы с 1842 по 1849 г.³ В деле 33 листа.

В июне 1842 г. в подмосковной деревне Вялки, находящейся в северной части Бронницкого уезда, на Касимовском тракте (современное Егорьевское шоссе), произошло обновление трех икон, находившихся в доме одного из местных жителей – крестьянина Николая Игнатьева. После того как иконы, покрытые копотью от свечей и лампад, неожиданно стали светлыми, на поклонение к ним стали приходиться богомольцы. Среди них были и кликуши – по их свидетельству, они испытали существенное облегчение, помолившись перед этими иконами. Верующие, приходившие на поклонение иконам, пили святую воду и масло из лампад и приносили к иконам пожертвования: деньги и различные votivные приношения – платки и ленты (их привешивали к иконам).

Представители власти, узнав о внезапно возникшем культе, сразу же стали действовать. В ночь с 9 на 10 июня 1842 г. в Вялки по поручению Московского гражданского губернатора приехал титулярный советник Вельмеминов. Вместе с ним прибыл и представитель Московской духовной консистории – священник Новский. Три обновившихся иконы были изъяты и отправлены в Чудов монастырь, а кликуши, в момент приезда начальства находившиеся в доме Николая Игнатьева, задержаны. Через день, 11 июня, они были допрошены в Секретном отделении.

Это архивное дело интересно тем, что в нем содержатся показания кликуш. Благодаря архивным документам можно составить представление о том, как они сами воспринимали свое недомогание и последующее исцеление. Следует отметить, что в многочисленных сказаниях о чудотворных иконах нередко описывается чудо, ставшее причиной почитания той или иной иконы как чудотворной – исцеление больного, молившегося перед этой иконой. О таком событии, как правило, становится известно по значительно более поздним пересказам, поэтому трудно составить полное представление обо всех подробностях этой истории. А в случае с кликушами, задержанными в Вялках, мы можем познакомиться с их собственными рассказами. Конечно, эти рассказы записаны в пересказе допрашивавших их чиновников, потому что все без исключения задержанные крестьянки были неграмотны, но, тем не

³ Там же. Оп. 32. Д. 43: Дело об обновлении трех икон в деревне Вялки Бронницкого уезда (1842–1849).

менее, мы имеем дело с нарративом о чуде, максимально приближенном к самому событию.

Представляет интерес и то обстоятельство, что среди задержанных кликуш были женщины, услышавшие об обновившихся иконах из Вялок в московском Симоновом монастыре, куда они пришли на богомолье. Это свидетельствует о механизме довольно быстрого распространения слухов о новых святынях: в том случае, если кто-то из жителей тех мест, где произошло чудо, вскоре после того отправлялся в паломничество в монастырь, от него о чуде могли узнать и другие богомольцы. Таким путем слух об этом необычном событии мог распространиться на достаточно большое расстояние.

1.

Доношение Московского гражданского губернатора
Московскому военному генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну
о народном почитании трех икон
в деревне Вялки Бронницкого уезда Московской губернии

Его Светлости
Московскому военному генерал-губернатору,
господину генерал[у] от кавалерии и кавалеру
князю Дмитрию Владимировичу Голицыну
Московского гражданского губернатора

Вследствие представления моего от 9 сего июня за № 341, честь имею донести до сведения Вашей Светлости, что командированный мною Бронницкого уезда в деревню Вялки титулярный советник Вельмеминов, по делу о поновившихся там будто бы трех иконах, возвратясь в Москву донес мне, что по прибытии его вместе с назначенным от епархиального начальства Адриановским священником Новским в деревню Вялки, с 9 на 10 число июня в 1 часу ночи, застали они в избе крестьянина Николая Игнатьева от 15 до 20 чел[овек] молящихся, большею частию женщин; в переднем углу на полке стояли пять образов, написанных на дисках, и один медный крест; пред тремя образами горели три лампы, из них две пожертвованные приходившими богомольцами, а третья хозяйская, под иконами навешены платки, ленты, лоскутки разных материй, пожертвованные усердствующими; на большом столе, находящемся под образами, стояла тарелка для сбора денег. При спросе же, много ли было чудес и какие, стоявшие отвечали, что чудес было очень много, и в особенности исцелений беснующимся, в доказательство чего показывали на трех совершенно здоровых баб. Дети крестьянина Игнатьева Андрей и Евдоким сказали, что они образа

чистили, первый крестом, а другой ногтем, поводом к сему послужило то, что у Андрея оборвался на кресте шнурок, он сунул сей шнурок к образу и нечаянно зацепил, отчего стерлась несколько чернота и заметна стала позолота; по очистке всех трех икон призван был приходский священник для освящения; затем жена крестьянина Игнатьева стала распространять слух о чудесах икон, к ней присоединились приверженные к разным поверьям, называющиеся кликушами и беснующимися. Из находившихся тут беснующихся и кликуш ни одного человека не заметно было слабого или болезненного здоровья. После всех сих расспросов образа были сняты, а также взят крест, которым чистил Андрей образа, и святая вода, разбавляемая по недостатку простою, и по привозе в Москву сданы в Чудов монастырь по назначению митрополита. К сему титулярный советник Вельмеминов присовокупил, что некоторые только привязаны к сим иконам и имеют веру к их чудесам; прочие же, и в особенности кликуши и беснующиеся, не имеют сей веры и могут быть здоровыми от одного приказания, ибо одна из них, софьинская крестьянка, при отбирании икон начала бесноваться, но когда было приказано казаку ее взять, то стала смирна, ей последовали и другие. Деньги же, холст и прочие пожертвования впредь до распоряжения хранятся у крестьянина Игнатьева.

Вместе с сим имею честь донести Вашей Светлости, что согласно приказания Вашего бывшие в доме крестьянина Игнатьева кликуши, в числе 7 женщин, представлены ко мне и впредь до особого от Вашей Светлости распоряжения отосланы для содержания в Тверской частный дом. Список их [нрзб] представить [?] честь имею.

Гражданский губернатор [подпись]

№ 353
Июня 1842
Москва

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 32. Д. 43. Л. 1–2. Рукописный подлинник.

2.

Показания крестьянки села Карачарова Авдотьи Васильевой

1842 года июня 11 дня в Секретном отделении крестьянка Государственных имуществ Московского уезда села Карачарова Авдотья Васильева спрашивана и показала:

От роду имею 28 лет, вероисповедания православного, у Св[ятого] причастия и на исповеди бываю ежегодно; замужем за крестьянином того же села Дмитрием [нрзб], и все время моего замужества я была больна какой болезнью не умею назвать – все болело сердце, тошнило, нападала тоска. По совету родных и знакомых моих 9 июня пошла в село Вялки с мужем, потому что слышала, что в этом селе поновились образа и больные многие получают исцеление. Пришедши туда, молилась; мне дали пить Святой воды с маслом из лампадки, а дала мне все это жена хозяйина, в доме которого появились образа, от сего мне стало легче. Богомольцев в Вялках было множество, и все они клали хозяйину деньги. Кричать меня никто не научал, а я чувствовала дурноту, во время которой сказывали мне, что я кричала. После того как я молилась [нрзб] образам чувствую себя легче, и более показать ничего не могу.

За неумением грамоте ставлю крест

+

Допрос отбирал коллежский секретарь [подпись нрзб]

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 32. Д. 43. Л. 3–3 об. Рукописный подлинник.

3.

Показания крестьянки деревни Паренок Василисы Памфиловой

1842 года 11 июня дня, в Секретном отделении вольноотпущенная г[осподина] Степанова Московского уезда деревни Паренок Василиса Памфилова спрашивана и показала:

55 лет мне, православного вероисповедания, на исповеди и у Св[ятого] причастия бываю ежегодно. Отпущена от г[осподина] Степанова годов семь и жила в Москве у купца Страланцева, от него пошла в деревню и осталась жить в ней – вот уже с год; у дочери мне жить нельзя, потому что у моего зятя семья велика; с дочерью моей Аксиньей Петровой ничего при мне все время не было; только перед Вознесением стало с ней становиться дурно, стала она кричать, и я с ней по совету отправилась в Москву, в Симонов монастырь; там услышала я, что в Вялках поновились образа, и пошла туда с моей дочерью, которая по приходе в Вялки начинала перед теми образами биться и кричала, но когда ей дали Святой воды перестала и почувствовала себя легче.

Из Вялок нас всех привезли сюда, в Москву. Больше ничего не могу показать.

За неумением грамоте ставлю крест.

+

Допрос отбирал коллежский секретарь [подпись нрзб]

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 32. Д. 43. Л. 4–4 об. Рукописный подлинник.

4.

Показания крестьянки деревни Паренок
Аксиньи Петровой

1842 года июня 11 дня в Секретном отделении крестьянка Московского уезда села Паренков г[осподина] Степанова Аксинья Петрова спрашивана и показала:

От роду имею 24 года, вероисповедания православного, на исповеди и у Св[ятого] причастия бываю ежегодно; замужем за крестьянином того же села Алексеем Васильевым восьмой год; вот уже другой год я чувствую себя нездоровою; делаются со мной припадки, начинает темнеть в глазах и я теряю память; другие мне говорили, что во время припадка кричу, но я этого не знаю; детей я не имею. К Троицыну дню я пришла с матерью моею Василисою Памфиловою в Симонов монастырь помолиться, и там я услышала от незнакомой мне женщины, что в Вялках поновились образа и делают чудеса. Мы пошли туда с матерью и двумя большими женщинами Аксиньей Мартыновою и Катериною Лаврентьевою, и пришедши молились, пили Святую воду и масло из лампадки, положили на тарелку деньги, что и другие богомольцы делали, а их было множество и куп[ечест]во и господа. Во время моей болезни меня никто не лечил, потому что я по совету монашенок Алексеевского монастыря ни к кому не ходила лечиться. Теперь мне легче и я после того как молилась дурноты не чувствую и больше показать ничего не могу.

+

Показания отбирал младший чиновник [подпись нрзб]

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 32. Д. 43. Л. 5–5 об. Рукописный подлинник.

5.

Показания крестьянки села Софьина Дарья Яковлевой

1842 года, июня 11 дня, в Секретном отделении крестьянка г[осподина] Плещеева Бронницкого уезда села Софьина Дарья Яковлева спрашивана и показала:

От роду имею 60 лет; вероисповедания православного; на исповеди и у Св[ятого] причастия бываю. Замужем за крестьянином того же села Степаном Васильевым; лет сорок и все это время чувствовала себя нездоровую, живот болел и сердце; детей имею 5 человек. Недавно услышала я, что в Вялках поновились образа – и больные исцеляются, и поэтому я пошла туда, молилась и пила Святую воду, после чего почувствовала облегчение, ходила я с моей дочерью Марьей Степановой. Во время болезни ни у кого не лечилась. Больше показать ничего не могу. В дополнение присовокупляю, что про образа, проявившиеся в Вялках, услышала я от проходивших крестьян села Рыблова.

+

Показания отбирал коллежский секретарь [подпись нрзб]

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 32. Д. 43. Л. 6–6 об. Рукописный подлинник.

6.

Показания крестьянки села Софьина Марья Степановой

1842 года, июня 11 дня, в Секретном отделении крестьянка г[осподина] Плещеева Бронницкого уезда села Софьина Марья Степанова спрашивается и показала:

28 лет мне от роду, вероисповедания православного; на исповеди и у Св[ятого] причастия бываю ежегодно. Замужем за крестьянином того же села Сергеем Павловым. Во вторник, то есть 9 июня мать моя Дарья Яковлева позвала меня идти с собою в Вялки, где, как мы слышали от крестьян, проходивших из разных деревень, поновились образа и исцеляются больные. По приходе в Вялки мать моя пила Святую воду и почувствовала облегчение, потому что она 40 лет была нездорова. Когда подводили ее к образам кричала, но потом перестала, когда дали ей Святую воду. Пошла же я в Вялки, чтобы проводить мать мою, сама же я здорова, и больше показать не могу.

За неумением грамоте ставлю крест.

+

Допрос отбирал коллежский секретарь [подпись нрзб]

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 32. Д. 43. Л. 7–7 об. Рукописный подлинник.

7.

Показания крестьянки деревни Митениной
Катерины Лаврентьевой

1842 года июня 11 дня в Секретном отделении крестьянка Государственных имуществ Московской губернии Верейского уезда села Смоленского, деревни Митениной, Катерина Лаврентьева спрашивается и показала:

От роду 24 лет, веры православной, на исповеди и у Св[ятого] причастия была ежегодно, замужем за крестьянином той деревни Афанасием Семеновым четвертый год, детей не имею; с последнего Великого поста стала чувствовать себя нездоровою, болело сердце, последний раз со мною был припадок в деревне Вялкиной, в то время, как я входила в избу на поклонение образам, при выходе я положила на блюдо пятак меди и потом дала мне какая-то женщина выпить Святой воды, от которой мне и сделалось лучше. На Духов день ходила я на богомолье в Симонов монастырь и там от людей слышала, что в деревне Вялках прояснились образа от чистки оных и творят чудеса, а потому и я отправилась с другими женщинами, со мною взятыми, пошли туда. На поклонение в деревню Вялки ходят много народа и приносят разные с собою вклады, как-то: деньги, холст и прочее. Кричать меня никто не учил и в деревню Вялки никто не посылал. За неграмотностью ставлю

+

Показания отбирал младший чиновник [подпись нрзб]

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 32. Д. 43. Л. 8–8 об. Рукописный подлинник.

8.

Показания крестьянки деревни Митениной
Аксиньи Мартыновой

1842 г[ода] июня 11 дня в Секретном отделении крестьянка Государственных имуществ, Московской губернии, Верейского уезда, села Смоленского, деревни Митениной Аксинья Мартынова спрашивается и показала:

От роду 21 года, веры православной, на исповеди и у Св[ятого] причастия была на Страстной неделе Великого поста сего года, замужем за крестьянином той деревни Никитой Осиповым четвертый год, детей не имею; после замужества стала чувствовать себя нездоровою, болело сердце, что продолжалось года два, а нынеш-

ним Великим постом во время обедни, дома сделалось мне очень дурно, так, что я не помню, что со мною было – только после рассказывали, что я кричала и билась и называли меня кликушею; это случалось в продолжение поста пять раз; меня никто не лечил, только сельский священник, отец Родион, читал надо мною молитвы, что и сделало мне облегчение. С неделю тому назад, я пришла на богомолье в Симонов монастырь, где хотя и была со мною дурнота, но припадка не было; там от народа узнала я, что в деревне Вялках проявились образа от чистки оных (до того были тусклы) и творят чудеса, почему я с другими женщинами, со мною взятыми, пошла туда, там, как вошли в избу со мною и с тремя из тех женщин, ибо четвертая была здоровая, сделались припадки; мы кричали, разные люди нас держали и когда нас напоили Св[ятой] водой от икон – то мы успокоились, и с тех пор я чувствую себя лучше; это было в прошлый понедельник. Кричать и притворяться меня никто не учил и в Вялки никто не посылал, а действительно чувствовала я себя больною; неизвестные люди в Вялках рассказывали нам, как возобновились сии иконы, а более ничего не слышала. За неграмотностью ставлю

+

Показания отбирал коллежский секретарь [подпись нрзб]

ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 32. Д. 43. Л. 9–9 об. Рукописный подлинник.

*Публикация и предисловие
П.Г. Чистякова*

Информация об авторе

Петр Г. Чистяков, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; tchistiakoff@gmail.com

Information about the author

Petr G. Chistiakov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; tchistiakoff@gmail.com